Кодекс смерти

Автор:
Герт Нюгордсхауг

Кодекс смерти

Герт Нюгордсхауг

Скандинавский детектив (РИПОЛ)Фредрик Дрюм #3

Фредрик Дрюм, гедонист и любитель древностей, отправляется в Италию по приглашению университета Рима, чтобы расшифровать один загадочный древнегреческий текст. Однако вместо этого его ждет настоящая драма, в которой участвуют античная философия, мрачное Средневековье и неуловимый убийца, который не оставляет следов.

Герт Нюгордсхауг

Кодекс смерти

Gert Nyg?rdshaug

D?dens codex

© Gert Nyg?rdshaug

© Издание на русском языке. Storyside, 2022

© Перевод на русский язык. Лев Жданов (наследники), 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

1. Фредрик Дрюм изучает Ионическое море без особой радости, тоскуя по своей возлюбленной и доброй бутылке «Барбареско»

Он сел, собираясь с мыслями. Осмотрелся кругом. Прямо под ним, в двухстах метрах внизу, простиралось Ионическое море. За спиной возвышалась крутая кирпично-красная с зелеными пятнами скальная стена. Выступ, на котором он находился, покрывал толстый слой жесткой сухой травы. Это благодаря ей он не ушибся при падении. Приземлился мягко, без травм.

Фредрик Дрюм громко чихнул четыре раза, встал, стряхнул с одежды землю и песок. Что же такое случилось, черт возьми?!

Он проиграл в уме невероятные события последних пяти минут. Фредрик Дрюм сидел, поставив чемодан между ногами, на одном из передних сидений автобуса, любуясь калабрийским ландшафтом и предвкушая встречу с деревушкой Офанес, расположенной недалеко от Кротоне. Следя по карте, он ждал, что вот-вот, может быть, за следующим поворотом увидит Офанес, когда автобус остановили трое полицейских. Остальные пассажиры – пожилая женщина, два подростка и патер в широкополой шляпе – пожали плечами и что-то пробормотали о проверке. Два полицейских вошли в автобус и быстро заговорили с шофером по-итальянски; тот кивнул и показал на Дрюма. Не успел Фредрик открыть рот и вымолвить: «Abbaglio» (ошибка), как его вытащили из автобуса на обочину и силой отвели через маленькое поле на край крутого откоса, обращенного к морю. Не задавая никаких вопросов, вообще не говоря ни слова, они толкнули его вниз, он беспомощно покатился кувырком по откосу и сорвался в пропасть. Однако падение остановила эта полка, на которую он так удачно приземлился.

Он даже не успел испугаться.

И вот он сидит на скальном выступе, точно птица на гнезде, в области Калабрия на самом юге Италии, с отличным видом на Ионическое море. И гнездиться здесь ему, похоже, придется долго: спуститься не сможет; да и вряд ли поднимется.

Полка была площадью с обычную гостиную. На часах – без четверти шесть; последний день июля, и солнце уже опустилось достаточно низко. Женевьева стоит, несомненно, на автобусной остановке в Офанесе и не может взять в толк, куда он пропал. Женевьева, возлюбленная, которую он не видел три года.

Фредрик Дрюм отковырнул от стенки камень и метнул вниз. И не смог увидеть, где он приводнился. Обратясь лицом к лежащему где-то за горизонтом греческому материку, прокричал громко и внятно:

– Аргабиел! Куабрис, Дефрабакс, Докрабакс, Такулбаин, Химесор, Юпитер, Тор и Тюкье!

Обращение ко всем этим богам несправедливости смягчило чувство безысходности, он прислонился спиной к скальной стенке и стал размышлять.

Покушение. Его явно хотели убить. Трое итальянских полицейских, не говоря ни слова, схватили его и попытались сбросить в море. У калабрийских властей принято так обращаться с туристами? Ни с того ни с сего, просто так захотелось, сбрасывать с обрыва ничего не подозревающих гостей? Может быть, в этих краях существует некий кошмарный обычай, о котором не упоминается в путеводителях?

«Проверка», – пробормотали остальные пассажиры автобуса. Ничего себе проверка.

Camogli. Он знал, что на завтра, первое августа, в этом округе приходится официальный праздник камольи, день Мадонны Стеллы Марии. О том, как отмечается этот праздник, он знал только то, что какую-то роль играют свечи и вода. Похоже, для начала полиция сбрасывает в море ни в чем не повинных иностранцев… Красивый, восхитительный обычай.

– Ерунда! – сказал он громко и встал.

Обратился еще к полудюжине экзотических и коварных богов, но ответа не получил. Кричать здесь было все равно что надрывать глотку в огромном стеклянном сосуде. Звук пропадал, едва вырвавшись изо рта.

Он принялся тщательно исследовать площадку. Кругом виднелись еще выступы, и было очевидно, что, сорвись он вниз в другом месте, все равно приземлился бы на одном из них. Перебираясь с выступа на выступ, он мог бы спуститься метров на пятьдесят-шестьдесят, но что толку? Поверхность моря его не притягивала, следует выбраться наверх. А это, судя по всему, невозможно. Правда, до края обрыва всего каких-нибудь три метра, но эта часть скалы гладкая, без трещин и выступов.

Полицейские знали, что здесь много таких полок? Или предполагали, что скала обрывается отвесно в море? Что бы они ни знали, что бы ни предполагали, их действия находились за гранью всяких этических норм.

Факт оставался фактом. Сколько ни исследуй, сколько ни размышляй, без посторонней помощи наверх не подняться. Даже знаменитый скалолаз, народный герой Бернардо Росси не справился бы тут без специального снаряжения. Сознавая свое бессилие, Фредрик Дрюм лег на траву и уставился на голубое небо над собой.

Определенно тут произошла какая-то ошибка. Он знал, что на этих широтах чего только не бывает. Не так уж далеко отсюда до Сицилии с ее мафией, тайные ходы которой не доступны разуму простого человека. Когда же она действует в открытую, то особенно не церемонится и не тратит лишних слов. Да уж, за те секунды, что он общался с полицейскими, ему не довелось услышать ничего вразумительного.

Ну конечно! Его приняли за какого-то мелкого судейского чина, который вознамерился сунуть нос в их внутренние дела, и решили расправиться с ним. Эти полицейские – члены мафии, охотящиеся на судейских. Фредрик Дрюм знал, что судьи – желанная цель для пуль и ножей мафиози. Но ведь должны они были видеть, что он иностранец, хотя бы по его светлой коже? А впрочем, у пьемонтцев тоже светлая, нежная кожа… Как же они удивятся и разочаруются, когда, исследуя его чемодан, увидят бирку с надписью «Фредрик Дрюм, Норвегия».

Чемодан… Он совсем приуныл, представив себе Женевьеву, как она стоит на автобусной остановке, видит – из автобуса выбрасывают его чемодан, а где же сам Фредрик? В чемодане находились подарки для нее – чудесная золотая лопарская брошь ручной работы и бутылка изысканного пьемонтского вина «Кастелло ди Неиве, Барбареско» 1971. Neive, neve – снег; «Снежный Замок», красивое название, такое подходящее для подарка от норвежца.

Он беспокойно приподнялся на локтях. До самого горизонта простиралось Ионическое море, зеленое, тихое, пустынное. Жизнь и удивительные похождения Фредрика Дрюма научили его не торопиться объяснять происходящее случайным стечением обстоятельств и недоразумениями. Слишком часто в основе лежал план – расчетливый, жестокий, злодейский. План, который ткал свою паутину со смертоносной пунктуальностью.

Фредрик Дрюм давно избавился от благодушной доверчивости перед лицом того, что принимало вид «случайности». Вот почему тревога, которую он ощущал теперь, была вполне оправдана. Покуда не доказано противное, он предпочитал исходить из того, что талмуд говорил про бытие: «Если бы глаз видел дьяволов, населяющих мир, жизнь стала бы невозможной».

И он закрыл глаза, осмысливая свое положение.

Фредрик Дрюм. Тридцать пять лет. Холостяк, сохраняющий верность девушке, которую встретил три года назад, которую поразил тяжелый недуг, но которая теперь выздоравливает благодаря чудодейственному лечению. Он совладелец заслужившего известность маленького ресторана «Кастрюлька» на улице Фрогнер в Осло; его компаньон – Тоб, Турбьерн Тиндердал. «Кастрюлька» – единственный норвежский ресторан, отмеченный двумя звездочками в путеводителе Мишлена. Фредрик Дрюм страстно увлекается хорошими винами и со временем завоевал признание как один из ведущих знатоков вин в Норвегии. Не такое уж этически похвальное, отдающее легкомыслием увлечение вполне уравновешивалось достаточно критическими, даже оппозиционными воззрениями, – так, он, по меньшей мере, четыре раза участвовал в экстремистских манифестациях. В своем ресторанном бизнесе они с Тобом руководились отнюдь не низменным стремлением к наживе, делили прибыль поровну со всеми постоянными и временными помощниками. В карте вин «Кастрюльки», к великой зависти конкурентов, значились такие вина, как «Шато Палмер» 1975 по 750 крон за бутылку. И поскольку Норвегия располагала лучшим в мире по качеству сырьем для кулинарии, а творческое воображение

Тоба и Фредрика не ведало границ, неудивительно, что их кухня заслужила высокую оценку в путеводителе Мишлена.

Однако увлечения Фредрика Дрюма вовсе не ограничивались областью вин и изысканных блюд. За последние годы он привлек внимание и обрел признание среди ученых, занимающихся языками и письменностью древних цивилизаций. Фредрик Дрюм был специалистом по дешифровке. После того как он опроверг толкование загадочного минойского линейного письма Б, предложенное англичанином Вентрисом, к нему стали часто обращаться за советом зашедшие в тупик исследователи. Несколько лет он посвятил занятиям на филологическом факультете университета и теперь работал над докторской диссертацией о пиктограммах, доруническихзнаках и сравнительном анализе рисуночного письма древнейших народов Крайнего Севера. Тема, сулящая жаркие споры.

В Италии он очутился сейчас по трем причинам. Во-первых, чтобы дегустировать и закупить итальянские вина для своего ресторана. Во-вторых, он получил интереснейшее письмо от некоего профессора Донато д’Анджело, касающееся некоторых непонятных мест так называемого «Кодекса Офанес» – пергаментных свитков, найденных недавно при раскопках у селения, давшего имя свиткам. И наконец, что особенно важно, он рассчитывал встретиться наконец с Женевьевой, которая лечилась в знаменитой клинике доктора Витолло Умбро, также находящейся в Офанесе, поблизости от упомянутых развалин. Фредрик Дрюм обожал такие совпадения.

Правда, теперь он уже не был уверен, что такие совпадения всегда благоприятны. Конечно, до Офанеса рукой подать, но его местонахождение не внушало оптимизма. Через два-три часа наступит непроглядная ночь.

Он стал кричать. Пренебрегая эффектом стеклянного сосуда, кричал, пока не охрип настолько, что его можно было принять за одержимого похотью калабрийского козла.

Фредрик Дрюм проголодался. В животе урчало. И ему очень хотелось пить. Мало того, он еще обнаружил, что его полка населена другими существами. Полчища мелких муравьев ползали по траве и по его одежде. Вскочив на ноги, он постарался стряхнуть это нашествие, но часть муравьев уже забралась под рубашку и штанины. Муравьи копошились в волосах, на шее, всюду. И что хуже всего – они больно кусались, обнаружив, что им возбраняется исследовать его тело по своему произволу.

Хорошенькая ночь ожидает его… Не так он представлял себе первую ночевку в Италии.

От прекрасного настроения, которое владело Фредриком последние недели, не осталось и следа.

Как чудесно все начиналось. Одно за другим в его почтовом ящике появилось три весьма обнадеживающих письма.

Первое пришло почти месяц назад. Сотрудник факультета практической и теоретической физики Кембриджского университета в Англии сообщал:

«Уважаемый господин Фредрик Дрюм.

В связи с вашей просьбой и рекомендацией доктора Стивена Прэтта мы произвели тщательный спектрографический анализ кристалла в виде пятиконечной звезды, диаметром четыре сантиметра, толщиной двенадцать миллиметров.

Предварительное исследование выявило интересные особенности интерференции; характер преломления света во многом непредсказуем. Кроме того, похоже, что при определенном освещении в некоторых частях объекта происходит аккумуляция энергии. Повторное преломление лучей под разными углами внутри кристалла поразительно напоминает то, что происходит в твердотельном лазере.

Поэтому мы просим вас разрешить нам продолжить исследование присланного объекта, чтобы выявить действующие в данном случае законы движения фотонов.

С уважением доктор Джеймс Вилсон,

член Научного общества».

Загадка кристалла, найденного им в песке на одном из пляжей полуострова Юкатан в Мексике, недалеко от майяского храма, не один год терзала его воображение. Это украшение – или талисман – Фредрик всюду носил с собой; он не был суеверен, однако не мог отделаться от чувства, что странная звезда обладает удивительным свойством воздействовать на него или на то, что его окружало. И вот наконец решился послать ее для исследования специалистам.

Правда, без этого теплого, гладкого кристалла в кармане он чувствовал себя словно обнаженным.

Второе письмо поступило всего через несколько дней после первого. Итальянский штемпель, массивная печать и координаты Римского университета. Послание было заказное, и помимо письма от профессора Донато д’Анджело в конверте лежала копия фрагмента из «Кодекса Офанес». Текст письма гласил:

«Сеньор профессор (!) Фредрик Дрюм.

По совету… (далее следовало перечисление известных учреждений и ученых, занимающихся классической археологией, плюс словесные реверансы)… направляю вам для рассмотрения некоторые места из КОДЕКСА ОФАНЕС, написанные, видимо, герметическим письмом. Без эпохального метода развертывания старинных пергаментных свитков, разработанного норвежцами Лаксдалом и Юханессеном из Бергенского университета, вряд ли удалось бы приступить к чтению КОДЕКСА ОФАНЕС.

Посему приглашаем вас приехать на место для изучения вопроса, если вы пожелаете сделать попытку истолковать упомянутые места в кодексе… (Далее еще ряд словесных реверансов и некоторые практические указания…)

С искренним уважением (!)

доктор Донато д’Анджело».

Фредрик Дрюм был весьма польщен таким обращением. Тоб стал замечать, что мысли его товарища по работе в «Кастрюльке» где-то витают и что Фредрик то и

дело бормочет какие-то непонятные слова.

Кончилось тем, что Фредрик решил взять отпуск на две-три недели и отправиться в Италию. Его решение ускорило письмо номер три, присланное Женевьевой.

Фредрик Дрюм познакомился с Женевьевой во Франции, в Сент-Эмильоне, познакомился несколько лет назад при совершенно необычных обстоятельствах. Ему пришлось тогда разбираться в трагедии, связанной с отравленным вином, и Женевьева, дочь известного винодела, студентка университета в Бордо, была отравлена людьми, которые решили отомстить ему. Последствия отравления были ужасными: у девушки случилось что-то с мозгом, отчего нарушилось ее восприятие действительности. Ее помещали в разные больницы, наметилось какое-то улучшение, но серьезного сдвига не было. Случай Женевьевы Бриссо считался безнадежным, пока ее отец не связался с доктором Умбро, всемирно известным итальянским специалистом по афазии и отизму. Пользуясь звуковой и музыкальной терапией, он добивался поразительных результатов. Люди говорили, что в клинике сеньора Витолло в Офанесе творятся подлинные чудеса.

Чудо произошло и с Женевьевой. Уже через несколько дней пребывания в клинике она была в состоянии вести осмысленные беседы с окружающими, улыбалась, даже смеялась. Доктор Умбро полагал, что она совершенно оправится от болезни. Женевьева не забыла Фредрика. Она прямо пригласила его приехать в Офанес. Вот ее слова:

«…помню тебя так, словно мы расстались только вчера, и очень хотела бы провести с тобой несколько счастливых дней здесь, в солнечной Южной Италии. Может быть, насладимся вместе добрым вином? Мы не виделись три года, но ты все время присутствовал в окружавшей меня темноте…»

Фредрик так обрадовался, что едва не пустил слезу. Последние годы судьба Женевьевы тяготела над ним. Наконец-то сможет избавиться от этого гнета.

Утром 31 июля он сел в самолет, вылетающий из Осло в Рим. Оттуда внутренняя авиалиния доставила его в Катандзаро. Провел там несколько часов, предвкушая скорую встречу, сел наконец в автобус, идущий в Офанес. И не

доехал…

Фредрик Дрюм сжался в комок, на душе было хуже некуда. Он обречен гнить на этой скале, умрет от голода и жажды, и муравьи съедят его, оставив кости высыхать на солнце.

Смеркалось.

Он порылся в карманах. Не густо: бумажник с аккредитивами и итальянскими лирами. Ключ от чемодана. Список адресов местных виноторговцев. Одноразовая зажигалка «Бик». Две плитки жевательной резинки, не содержащей сахара. Пуговица неизвестного происхождения. Все. Он заорал, заблеял, обратясь лицом к Ионическому морю:

– Священные Стражи этой скалы, этого Бастиона Тьмы! Асы и ютуны Севера жестоко вас покарают! Мятущиеся души Тарпеи и Эгея, явитесь и поднимите меня вверх! Вверх, вверх, вверх! Дедал и Икар, дайте мне крылья! Лабрис и Анхис, явите мне знак, знак, знак!

Его крики пали на поверхность моря громким эхом. Сорвав с себя рубашку, он вытряхнул муравьев. Атаковал ногтями гладкую скальную стенку, но не продвинулся ни на дюйм.

Темнота сгущалась, наполняясь монотонной песней миллиардов невидимых цикад на фоне ровного шума моря.

«Спокойно, Фредрик, спокойно. Думай стройно, сосредоточенно. Тебе доводилось и прежде бывать в сходных ситуациях, и ведь все кончалось благополучно? Думай о „Кастрюльке“, о лакомых блюдах, которые Тоб готовит сейчас, – слышишь запах?» Он попытался следовать совету внутреннего голоса, но без особого успеха. Голос рисовал ему недосягаемую трапезу.

Что сказал бы Тоб, будь он здесь? Мудрый Тоб, друг, мыслитель. Он протер бы свои круглые очки и сказал: «Из абсурдного положения не может быть абсурдного выхода». Утешительное умозаключение. Положение, в котором очутился Фредрик Дрюм, верх абсурда. Стало быть, выход обязан быть

осмысленным?

Он поискал глазами огни на море. Ни одного огонька.

И ничего нельзя предпринять. В кромешной тьме он лег, прижимаясь к скальной стене, стараясь не обращать внимания на муравьев. Пусть ползают, сколько хотят, по упавшей на их территорию новой вселенной.

Видимо, он вздремнул. Часы, когда он щурясь посмотрел на них, показывали половину четвертого. Скоро наступит утро. Он медленно поднялся, разминая закоченевшие мышцы, и уставился в густой мрак над морем. Слабый бриз освежал его, и уже не так хотелось пить.

Он стоял неподвижно, глядя прямо перед собой. Стоял так полчаса, час, два, три. Наконец над горизонтом на востоке зажглась румяная полоска зари. Он не трогался с места, пока солнце не вынырнуло из моря.

За это время в уме Фредрика Дрюма созрел безумный план. Может быть, он все-таки сумеет спуститься к воде, чтобы затем плыть вдоль берега, пока не кончатся скалы?

Когда совсем рассвело, он подполз к самому краю выступа и посмотрел вниз. С некоторым риском для костей можно было, перебираясь по скалам, одолеть половину расстояния до моря. Но и только. Насколько он мог судить, дальше начинался отвесный обрыв высотой около полусотни метров. Прыгать в воду с такой высоты – верная смерть.

И все же с приходом дня пробудился оптимизм. Муравьи не особенно докучали ему ночью, совсем без укусов не обошлось, но терпеть можно. У него родился новый план. Фредрик Дрюм так легко не сдастся!

Он принялся очищать выступ от травы, складывал в кучу большие пучки. И нашел то, в чем нуждался – достаточно большие острые камни. Этими камнями Фредрик стал долбить стенку. Сначала требовалось выдолбить ямку для упора ногой на высоте около метра. Он бил, колотил, так что искры летели и пахло горелым, брал новые камни на смену треснувшим. Через два часа образовалось углубление, куда могли поместиться пальцы одной ноги.

Голод и жажда вынудили его прилечь, чтобы отдохнуть. Полежав полчаса, он снова принялся за дело. На этот раз долбил повыше, сколько мог дотянуться рукой. Выдолбив вторую ямку, так что можно было зацепиться пальцами, уперся левой ногой в первую и подтянулся вверх. В этом положении около метра отделяло кончики пальцев правой руки от края обрыва и от спасения.

К половине третьего Фредрик успел выдолбить три ямки. Одну для правой ноги, одну для левой, одну для руки. Он совершенно выбился из сил и был вынужден долго отдыхать.

Оставалось самое худшее. Упираясь ногами в ямки и держась одной рукой, надо было долбить дальше. В таком положении это был мартышкин труд. Он поминутно срывался и не мог вложить всю силу в удары. Получались какие-то жалкие царапины.

В шесть вечера Фредрик Дрюм сдался, окончательно обессилев. Лег навзничь на полке, опустошенный. Он обгорел на солнце, сухие, потрескавшиеся губы словно в бреду шептали названия знаменитых редкостных вин. А еще он в уме повторял содержание меню «Кастрюльки», каким оно выглядело накануне его отъезда в Осло.

«Кодекс Офанес». В самолете Фредрик воспользовался случаем перебрать в памяти то немногое, что ему было известно об этих старинных свитках.

Все началось совсем недавно. Несколько лет назад два норвежца стали чуть ли не национальными героями в Италии. Бергенские исследователи Лаксдал и Юханессен разработали и опробовали способ развертывать почти обуглившиеся от возраста древние папирусные свитки, которые археологи до той поры посчитали бы безнадежно испорченными. Когда начались раскопки развалин в районе Офанеса, в одном склепе нашли множество почерневших свитков. Обратились за помощью к норвежцам, и те добились сенсационных результатов, искусно развернув драгоценные свитки, испещренные отчасти греческими, отчасти латинскими письменами. Находка датировалась II–III веками нашей эры. Текст содержал философские рассуждения, данные по истории философии и описание различных философских школ Античности. Новые сведения оказались такими обширными, что дали повод заново переписать историю античной философии.

Итальянские газеты превозносили достижения Лаксдала и Юханессена на первых страницах. В Норвегии им посвятила маленькую заметку «Афтенпостен», несколько больше о них поведала «Бергене Тиденде».

Профессор Донато д’Анджело сообщал, что текст папируса «Офанес» в основном легко поддавался толкованию. Однако с одним фрагментом, написанным по-гречески, дело обстояло иначе. Сами по себе слова не вызывали сомнения, но общий смысл оставался неясным. Д’Анджело склонялся к тому, что здесь нашла свое отражение наиболее темная и неизвестная глава философской традиции Греции: герметизм.

Среди исследователей античной философии давно обсуждались гипотезы, согласно которым пифагорейцы заложили основу школ, развивших тайное магическое учение, получившее со временем большое влияние. Об этом говорило много косвенных признаков, однако прямых доказательств не было. Упомянутые гипотезы почитались чисто умозрительными. Вплоть до последнего времени. В тексте «Кодекса Офанес» содержались весьма странные места.

Фредрик Дрюм с большим интересом читал сообщения Донато д’Анджело. В его чемодане лежало изрядное количество книг о философских школах Античности, которые он собирался как следует изучить. В самолете его внимание было сосредоточено на копии маленького фрагмента, приложенной к письму. Греческий текст он прочел без труда. Общий смысл и впрямь оставался неясным, хотя слова сами по себе не вызывали сомнения. Загадка заключалась в том, что в тексте ни с того ни с сего вдруг появлялись знаки совершенно незнакомого письма. Он никогда не видел ничего подобного.

В особой тетради, которую он завел для этого случая, Фредрик Дрюм записал предварительный перевод части текста, поддающегося толкованию. Вот как выглядели эти строки из «Кодекса Офанес, Фрамент № 233 XII»:

«…Дамипп расставил столько же факелов, сколько (ставили) в Одеоне для праздника Апатурии; так, говорят, повелел фратриям ученик Симмия – Кротон Мудрый. Печать Эрметики, с надписями Гефеста, Гекаты и Персефоны, скрывает послание Священного, Священнейшего Силотиана, как оно воплощается в Ритуале Смерти, и вот каково оно (Следуют четыре строки загадочных письмен, герметическое письмо?)… Сказал Эрметика Хирон – таков Шепот Смерти для

наших неверных в сельских дионисиях. Synedrium есть Umbilicus Telluris (латынь?) так Одеон вовеки оберегает Гармонии…»

Фредрик Дрюм радовался. В самом деле радовался, предвкушая интересную работу. Никакие трудности не страшны, когда рядом с ним будет Женевьева Бриссо. Так ему думалось перед тем, как самолет сел на аэродроме в Катандзаро.

Никаких проблем, казалось Фредрику в полудреме. Муравьи ползали по его лицу, забирались в ноздри, уши, глазницы. Он ничего не замечал. Не заметил, что начинает смеркаться и что далеко в море крохотными точками снует множество лодок. Это были рыбацкие лодки. Но сегодня они вышли в море не на лов. Сегодня – первое августа, камольи, праздник в честь Мадонны Стеллы Марии.

Фредрик громко чихнул и проснулся. Садясь, он продолжал чихать, очищая ноздри от муравьев. Заметно стемнело, и он уже приготовился снова лечь, с тоской представляя себе перспективу провести еще одну ночь на этой полке.

– Воды, – прохрипел он только затем, чтобы услышать собственный голос.

Потом уставился на море. Протер глаза, чтобы избавиться от мелькающих искр. Искры? Да нет, непохоже, десяток неподвижных светящихся точек на поверхности моря. Огоньки? Он выпрямился и доковылял до края полки. Моргнул несколько раз, всматриваясь в темноту. В самом деле, огоньки. Очевидно, там плавают лодки.

Лодки!

Теперь он видел их отчетливо. На волнах качалась вереница огней, огни были зажжены на лодках.

Ничего не понятно. Огни на лодках? Эллины вновь плывут из-за моря, чтобы завоевать Калабрию? Уснув, он умер и проснулся в древнем мире? Напрягая усталый мозг, Фредрик сообразил наконец, что видит плавучую процессию,

которая открывает или же завершает празднование камольи. Ну конечно, он ведь где-то читал об этом. По случаю праздника в море выходят лодки с огнями. Он насчитал два-три десятка огней; очевидно, эти лодки вышли из рыбачьих поселков по соседству.

Фредрик Дрюм сразу ожил.

Удивительно: он даже ухитрился насвистывать песенку потрескавшимися губами – «Моряк, возвращайся скорей», лихорадочно собирая в кучу огромные пучки сухой травы. Одну кучу он соорудил, когда добирался до камней. Свалив здоровенную охапку на самом краю полки, он поджег ее, к счастью, зажигалка не подвела. Вслед за клубами густого желтого дыма вверх на несколько метров взметнулись языки пламени.

Чихая и кашляя, Фредрик пустился в пляс у костра. Тень на стенке должна быть видна издалека. То-то люди испугаются, увидев на скале пляшущих духов!

Он взял себя в руки, собрался с мыслями. Встал сразу за костром, так что на скальной стенке возник трехметровый силуэт его фигуры. Поднял вверх одну руку и принялся чертить в воздухе буквы. Снова и снова, медленно, четко – дуги, круг. И тень повторяла за ним: SOS.

Только бы не взяло верх суеверие! Только бы не подумали, что там, на скале, высоко над морем, им явилось некое чудо, таинственное знамение! Или что они дошли до галлюцинаций из-за усердного празднования камольи. «Нет, – сказал себе Фредрик, – такого не может быть, рыбаки – разумные люди».

Добавив в костер сухой травы, он продолжал чертить «SOS». И вдруг представил себе, что перенесся в Античность, в пещеру Платона, он – тень, он – «идея», образ, существующий независимо от материального мира. Он – «Идея Дрюм»! На скальной стене позади него – «Идея Дрюм». Однако перед костром стоял реальный, настоящий Фредрик Дрюм, что бы там ни говорил Платон.

Он всей душой надеялся, что смотрится вполне реально. Что рыбаки не увлекались чрезмерно Платоном и не придут к сомнительному философскому заключению, что не он, а тень на скале – реальность.

«SOS, SOS». Фредрик продолжал сигналить, пока не прогорел костер, пока не кончилась вся сухая трава на полке.

После чего с волнением уставился в темную даль. Он не мог видеть лодок, когда пылало пламя. Он не увидел их и теперь. Они исчезли. Над морем царил мрак.

Фредрик посмотрел на часы. Начало десятого. Сколько же он семафорил? Десять минут, полчаса, час?

Он потерял счет времени, он ослеп, онемел.

Лодки ушли.

Рыбаки видели что-нибудь? Поняли, что человек попал в беду? Куда они делись? Да и были ли там в самом деле лодки с живыми людьми на борту?

Он нуждался в чем-то осязаемом, конкретном, внушающем надежду на то, что на смену мукам в абсурдной ситуации придет услада дивного шествия между мраморными колоннами под сводами Афродиты, с выстроенными вдоль стен кувшинами с вином, с умиротворяющими душу благотворными ароматами мирры и бальзама… Где Дурное Предначертание, каббалисты, Всадники Тьмы, сатанисты, Отцы Длинных Ножей, Человеко-бык, Титаны Лабиринтов и заклинатели загнаны в бездонное подземелье, а вместо них царят тамбурины танцовщиц, Сладостные Плоды Добрых Матерей, нежные звуки флейты Пана, шеф-повар вакханалий и виночерпии, Тепло Белого Пламени и Перины Широких Лож.

Кристаллическая звезда. Ему бы сейчас заветный кристалл. Без него Фредрик Дрюм чувствовал себя незащищенным.

Он примостился полулежа у скальной стенки. Не спал. Не бодрствовал. Ему не было холодно. Не было тепло. Он был ничем, нет, он очутился в царстве теней. И будет там танцевать с Женевьевой, покуда не взойдет солнце. Тогда они вместе полетят над морем, будут парить над волнами.

Трое полицейских столкнули его вниз по склону, столкнули с обрыва. Вытащили обратно. Снова столкнули. Он упал, покатился вниз. Его вытащили опять.

Толкнули. Он покатился. Сорвался. Вверх. Толчок. Вниз. Вверх. Сорвался. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Трое полицейских смеялись. Он превратился в камень. Камень Сизифа. Который катился. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Титаны улыбались. Трехглавый титан в мундире. Они смеялись, все три головы смеялись всякий раз, когда он катился вниз по склону и срывался с обрыва.

Фредрик резко вскочил на ноги. Мокрый от пота; распухший язык едва помещался во рту. Он услышал какой-то звук. Громкий звук! Оглушительный рокот ударил в уши.

И тут он увидел – сноп яркого света скользил по стенке чуть справа от него; источник света находился на вертолете, зависшем в воздухе метрах в двадцати-тридцати над ним. Он ясно видел белый корпус вертолета с красным крестом на хвосте.

Никакие не ангелы, не плод галлюцинации. Самый настоящий вертолет.

Он стоял неподвижно. Осторожно поднял одну руку. Они не видели его. Он стоял в тени. Луч света поднялся над ним, ушел в сторону, очутился под ним. Внезапно ослепил его, и Фредрик упал обратно на камни.

Послышались голоса, кто-то замахал руками. «La! Un signore! Corda, rapido!»[1 - Вон там! Человек! Веревку, быстро! (итал.).]

Он увидел спускающуюся к нему веревку. Понял, как надо действовать. Надел на себя обвязку и хорошенько проверил ремни, прежде чем жестом показать: «Готово!» Его потянули вверх.

Его втащили в кабину. Уложили на какие-то носилки. Фредрик указал пальцем на бутылку. Сделал несколько жадных глотков. Минеральная вода. Его вырвало. Он снова отпил из бутылки и улыбнулся. Его засыпали вопросами. Фредрик покачал головой и закрыл глаза. Потом приподнялся и произнес тихо, но внятно:

– Signores. Mi scusi. Grazie[2 - Синьор. Извините. Спасибо (итал.).]. Будьте добры, доставьте меня в Офанес. Полицейский участок. Per favore[3 - Пожалуйста (итал.).].

Несколько минут спустя, без четверти два, вертолет приземлился на объятой мраком пустынной площади крохотного селения Офанес, рядом с полицейским участком.

Фредрик спустился на землю без посторонней помощи, прошагал прямо к участку и постучался в дверь. Чей-то голос отозвался изнутри.

2. Он утверждает, что ему ничего не известно о калабрийском соколе, наслаждается бокалом «Таураси Рисерва» 1982 и погружается в глубокие раздумья

Открыв дверь, Фредрик Дрюм очутился в комнатушке с большим письменным столом, на котором стоял телефон, стулом и скамейкой у самого входа. И все. Так выглядел местный полицейский участок.

За столом сидел толстый лысый коротыш с воспаленными, усталыми глазами. Одет он был неряшливо – рубашка не застегнута, на ногах, торчащих из-под стола, – домашние туфли. Ничего удивительного, если учесть, что дело происходило ночью.

Фредрик догадывался, что начальник полиции не в духе, однако его собственное настроение тоже оставляло желать лучшего. Ноги не держали его, и он сел на скамейку, не дожидаясь приглашения.

– Проклятый яйцекрад! – злобно выпалил хозяин кабинета, и Фредрик тряхнул головой, прочищая мозги.

Он не ослышался?

– Si, signore straniero[4 - Да, синьор иностранец (итал.).], яйцекрад! Думаете, нам не известно, что вы замышляли там, на скалах! Ха! В этом году мы уже не раз задерживали немцев, голландцев, шведов и датчан. Они намеревались украсть яйца нашего редкостного сокола, Фалько калабрис, который находится на грани исчезновения, ясно? – Полицейский закурил сигарету и закашлялся.

– Signore poliziotto[5 - Синьор полицейский (итал.).], – с трудом прошептал Фредрик. Он был совсем опустошен, не в силах объяснять что-либо, спорить. – Я ехал в Офанес совсем не за тем, что вы думаете. Пробуду здесь две недели. Мне заказан номер в единственной здешней гостинице – «Альберго Анциано Офани». Если желаете, завтра смогу вам все объяснить, когда найду свой чемо…

– Сперва подпишитесь здесь! – Толстяк вскочил на ноги и указал на лист бумаги на столе.

Фредрик взял ручку и кое-как расписался, не читая.

– Passaporto! – прошипел начальник полиции.

Фредрик покачал головой.

– В чемодане, – сказал он. – Завтра приду к вам. Не скажете, как мне найти «Альберго Анциано Офани»?

Полицейский вытолкал его за дверь и указал толстым пальцем на какой-то смутный силуэт у пригорка в двухстах метрах выше единственной улочки селения.

– Buona notte[6 - Доброй ночи (итал.).], – поблагодарил Фредрик и побрел в темноте к указанной цели.

На коротком отрезке до гостиницы он трижды останавливался, чтобы отдохнуть. Ноги были словно ватные. Его терзал голод и страшно хотелось пить. Наконец он дошел до дверей какого-то старинного строения. Никакого намека на свет, и Фредрик долго шарил по стояку в поисках звонка. С трудом нащупал какой-то шнур, за который следовало дергать, если верить надписи на дощечке внизу.

Где-то внутри зазвенел колокольчик. Он подождал. Никакой реакции. Подергал сильнее еще несколько раз. В одном из окон зажегся свет, послышались шаркающие шаги, дверь чуть приоткрылась.

Фредрик увидел пожилого мужчину в халате, с пышной епископской бородой, с потешным ночным колпаком голубого цвета на голове. Мужчина испуганно

уставился на него.

Фредрик представился, сказал, что для него заказан номер на две недели, считая с позавчерашнего дня. Извинился, что является в такое время суток, дескать, в пути произошел несчастный случай.

Мужчина (ему было лет сорок-пятьдесят) вдруг расплылся в улыбке и распахнул дверь. Жестом предложил Фредрику войти.

– Si, signore, – сказал он, – мы ждали тебя[7 - В итальянском языке принято обращение на «ты» даже к незнакомым людям.]. Молодая красивая дама очень встревожилась. Она принесла сюда твой чемодан с автобусной станции. Она лечится в клинике синьора Умбро, верно?

Фредрик кивнул и облегченно вздохнул. Наконец-то все образуется. В гостинице его встречают как желанного гостя, чемодан на месте, Женевьева ждет его.

– Синьор Джианфранко Гаррофоли, – представился хозяин гостиницы, крепко пожимая руку Фредрика. – У тебя усталый и не слишком здоровый вид. Желаешь перекусить, прежде чем тебе покажут твой номер?

Фредрик ответил утвердительно, и его провели в небольшой зал, заставленный мебелью. Здесь пахло камфарой и воском для натирки пола, горел неяркий свет. Хозяин вручил ему регистрационную книгу и вышел. Записываясь по всем правилам, Фредрик услышал повелительные возгласы; чей-то пронзительный женский голос пытался протестовать, но был укрощен властным басом хозяина.

Полистав книгу, Фредрик убедился, что он – единственный постоялец. Прежние гости уехали больше недели назад. Должно быть, они избегали пользоваться общественным транспортом, сказал он себе. Охотники за яйцами Фалько калабрис…

Худая морщинистая женщина с черным фартуком поверх белой ночной рубашки принесла ему хлеб, ветчину, дыню, яйца. А также кувшин с водой и бутылку вина. Она не улыбалась. Крик синьора Гаррофоли заставил ее вздрогнуть:

– Комната, Андреа. Разожги священника, пока наш гость ест! Не видишь, что он устал? Священника, слышишь?

Фредрик налег на белый хлеб. Выпил воды. Поел ветчины с яйцом. Он ел медленно, жевал долго. Священник. Священника? О чем это они толкуют? Ладно, бог с ними, скоро он будет спать, видеть добрые сны на мягкой перине. Желудок урчал, но пищу не отвергал. Фредрик отважился налить себе половину бокала вина. Прочел надпись на этикетке: «Таураси Рисерва 1982». Вспомнил название сорта винограда – галиоппо. Необычный виноград, необычное вино.

Понюхал, проверил вкус, сделал добрый глоток. Хорошее вино. Чудесное.

Заполучив вино, желудок успокоился. По всему телу разошлось приятное тепло, глаза сами закрылись.

– Синьор Дрюм? – Голос хозяина. – Смотри, не засни здесь. Твой номер готов. Иди за мной.

Фредрик налил себе полный бокал и захватил с собой, следуя за хозяином гостиницы. Через несколько коридоров они прошли к широкой каменной лестнице и поднялись на второй этаж. Здесь тоже был коридор, притом такой узкий, что ему пришлось идти чуть ли не боком. Всюду царил полумрак. Синьор Гаррофоли отворил какую-то дверь.

– Прошу, синьор. Все готово. Воздух немножко сырой, но сырость исчезнет по мере того, как священник согреет комнату. Твой чемодан стоит вон там.

– Grazie.

– Ванная – в конце коридора. Мы последим, чтобы тебя не беспокоили до одиннадцати дня. Будешь заказывать завтрак? – Хозяин отступил к дверям.

– Спасибо, синьор, завтрака не надо. – Фредрик поставил на тумбочку бокал с вином.

Хозяин вышел.

Фредрик Дрюм протер глаза. Очень уж несовременно выглядела комната. Он в жизни не видел такого гостиничного номера! Чудовищных размеров кровать под балдахином на толстых перекладинах стояла посреди комнаты. Под матрацем, выше пола, помещалось нечто вроде подовой решетки. На ней лежало подобие плоского таза с окруженными тусклым желтым свечением раскаленными угольями. Так вот что они называют «священником»! Не слишком ли рискованно спать с таким подогревом? Он успокоил себя заключением, что это, должно быть, старый, испытанный метод.

Стены были сложены из грубо обтесанного камня. В нишах и на полках стояли кувшины и другая посуда; под самым потолком находилось окно с железной решеткой. Возле кровати помещалась огромная резная тумбочка, явно весьма почтенного возраста. Еще он увидел комод, шкаф, несколько стульев и зеркало – все старинной грубой работы.

Видимо, в прошлом это была монашеская келья. Может быть, «Альберго Анциано Офани» – бывший монастырь? Фредрик Дрюм был не в силах больше шевелить мозгами, он разделся и лег, укрывшись простыней и двумя шерстяными одеялами. Пахло сыростью, но он чувствовал поступающее снизу приятное тепло. «Священник» действовал.

Фредрик допил вино, задул керосиновую лампу на тумбочке и тотчас заснул.

Его разбудили яркие лучи солнца. Он удивленно осмотрелся кругом. Несколько секунд не мог толком сообразить, где он и кто он. Наконец очухался.

Фредрик сел на кровати. При солнечном свете, проникающем через окошко, комната выглядела совсем не так мрачно, как ему показалось ночью, а вполне уютно. Уютная старина. Фредрик был отнюдь не против того, чтобы жить в номере с музейными экспонатами. Они создавали творческую атмосферу, весьма подходящую для работы, которая его ожидала.

Кожа зудела. Все тело было в муравьиных едких укусах. Вообще же он чувствовал себя хорошо, даже отлично.

Прежде чем встать, он мысленно перевел латинское изречение в рамке над комодом. Необычное изречение: «Доброго Отдыха посвященным, пребывающим на рубеже этой формы жизни, ищите во сне амнезию Плутарха».

Пройдя в ванную, он хорошенько помылся под душем. Побрился, внимательно изучил в зеркале свое лицо. Если не считать похожие на прыщики укусы муравьев, он выглядел совсем недурно.

– Женевьева, Женевьева, – пробормотал он, освежаясь одеколоном.

Сердце забилось учащенно. Неужели он увидит вновь свою возлюбленную?

Тут же он спохватился. Он не должен рассказывать, что с ним произошло, не должен волновать ее. Надо что-то придумать. Какое-нибудь простое и убедительное объяснение задержки.

Анамнезия Плутарха. Анамнезия – воспоминание. Он снял со стены рамку и положил на тумбочку лицом вниз. Ему не нравилась эта цитата.

Фредрик достал из чемодана чистую одежду. Захватил паспорт и бумаги, из которых было видно, для чего он приехал в Офанес. Яйцекрад! Он потолкует с начальником полиции, сегодня голова Фредрика работала нормально, за словами дело не станет.

При дневном свете гостиница больше отвечала своему наименованию. В холле он весело поздоровался с синьором Гаррофоли, и тот сообщил ему, улыбаясь:

– Французская мадемуазель звонила. Она пришла в восторг, когда услышала, что ты явился. Просила тебе передать, что всю вторую половину дня свободна от процедур в клинике и может встретиться с тобой в три часа в трактире на площади.

Фредрик почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он покраснел! Покраснел словно мальчишка, делая вид, что роется во внутреннем кармане пиджака. Сказал спасибо, поклонился и вышел, пятясь, на залитую солнцем улочку.

Офанес.

Селение купалось в лучах утреннего солнца. Часы на башне белой церкви в центре пробили одиннадцать. Невелико селение – с десяток домов вокруг площади и церкви. Средневековое здание гостиницы расположилось особняком

у пригорка, где козы жались в тени старых сучковатых олив. От восточной окраины проселок длиной около двухсот метров спускался к маленькой пристани, где было причалено пять-шесть рыбацких лодок. Вдоль обочин проселка росли сливы и виноградная лоза.

Недалеко от гостиницы, по другую сторону пригорка, стояло довольно крупное здание без крыши. Сродни «Альберго Анциано» архитектурой, но сильно запущенное.

Фредрик продолжал осмотр. За строением без крыши, у подножия крутого холма разместился похожий на старинную усадьбу большой исправного вида дом с двором между двумя флигелями и с внушительным порталом, на котором значилось «ОСПЕДАЛЕ ВИТОЛЛО УМБРО». Вот где находится Женевьева, проходя столь успешное лечение!

Слева от клиники, носящей имя всемирно известного врача, Фредрик рассмотрел участок, где, судя по всему, производились археологические раскопки. Из разрытой исследователями красной земли тут и там торчали развалины. Участок с раскопами простирался почти до самого селения.

Это там почти две тысячи лет был погребен «Кодекс Офанес». У Фредрика защекотало под ложечкой.

Его взгляд скользнул обратно к крутому холму. Среди лозы по склону почти до самой вершины извивалась дорога. Там на плато, метрах в ста над селением разместился настоящий замок! Явно обитаемый: над одной башней развевался флаг, а на стене под ним было развешено для сушки белье.

Красиво, ничего не скажешь. В представлении Фредрика рейтинг Офанеса поднялся сразу на несколько баллов. Он вспомнил подходящие к случаю стихи знаменитого соотечественника и громко чихнул четыре раза.

После чего направился к площади. Кроме церкви и полицейского участка, здесь помещались мясная лавка, магазин со скобяным товаром, кафе с маленькими столиками на тротуаре, еще кое-какие магазинчики. Всюду резвились голосистые ребятишки, беспорядочно стояли припаркованные мотороллеры и «фиаты». Словом, все как положено.

Он сел за один из столиков трактира. Заказал кофе, два рогалика, бутылку негазированной минеральной воды. Хозяин кафе учтиво поздоровался, принимая заказ, потом внимательно рассматривал Фредрика, стоя в дверях своего заведения.

Фредрик был единственным клиентом, если не считать двух стариков за соседним столиком.

– Яйцекрад! – вдруг громко произнес он, размышляя над прискорбным содержанием двух последних суток.

Трактирщик подошел, думая, что речь идет о дополнительном заказе, но Фредрик жестом показал, что больше ничего не требуется.

У него найдется что сказать начальнику полиции! Есть при себе кое-какие бумаги. И в клинике доктора Умбро лечится его amata.

Оставив на столике положенную сумму, он встал. Направился для вида в сторону церкви, чтобы трактирщик не подумал, что клиент пошел прямо в полицию жаловаться на обслуживание.

В участке за тем же столом, на том же стуле сидел уже знакомый толстый коротыш. На столе – ни одной бумаги. Начальник полиции был одет по форме и сильно потел. Мундир с ремнями плотно облегал его тело, не придавая, однако, владельцу элегантности. В одной руке начальник держал хлопушку для мух, в другой – стакан с виноградной водкой.

– Giorno[8 - Добрый день (итал.).], – решительно поздоровался Фредрик.

– Ага, – буркнул толстяк. В мутноватых глазах его читалось отвращение к непредвиденным проблемам. – Пришли уплатить штраф и покрыть издержки?

Он вытащил из ящика лист бумаги с небрежной подписью Фредрика.

Не сводя глаз с полицейского, Фредрик протянул руку за бумагой, получил ее, разорвал на четыре части и положил обратно на стол.

– А теперь послушайте меня, – твердо произнес он, после чего коротко и ясно изложил все, что произошло.

Начальник полиции несколько раз порывался сказать что-то, но Фредрик жестом останавливал его.

– Итак, синьор poliziotto, – заключил он, – предписываю вам найти ваших коллег, которые столкнули меня в пропасть, и выяснить, чем они руководствовались. Понятно?

– Идиот! – взревел толстяк, привстав со стула. – И вы хотите, чтобы я поверил во все это?

– Хотите верьте, хотите нет, но именно так все было. – Фредрик швырнул на стол свой паспорт и рекомендательные письма профессора Донато д’Анджело.

Начальник полиции тщательно изучил их, одновременно усердно орудуя хлопушкой. По лицу его катились крупные капли пота. Наконец он схватил телефонную трубку, пробормотав, что должен посовещаться со своим начальством в Кротоне.

После долгого разговора, причем толстяк не жалел голосовых связок, он положил трубку, хитро улыбнулся и прищурился.

– Синьор Дрюм, – льстиво заговорил он, – вы лжете. Вы нахал. У вас богатое воображение. Очевидно, то, что нужно для сотрудничества с профессором д’Анджело. – Последние слова были произнесены презрительным тоном. – Мой начальник в Кротоне, который контролирует всю деятельность полиции в этом районе, повторяю, всю, говорит, что в то время, какое вы указали, здесь не было никаких патрулей. Pronto?[9 - Слышите? (итал.).] Если немедленно не заплатите штраф и не покроете издержки, вам придется задержаться в этом селении, ясно?

Фредрик холодно улыбнулся:

– Buono. В автобусе было четыре свидетеля. И я не покину это селение, пока не разберусь во всем.

С этими словами он вышел. А толстяк наполнил свой стакан из спрятанной за столом бутылки, и губы его скривились в злобной улыбке.

Фредрик поднялся к раскопам. Участок не был огорожен, так что он мог ходить там без помех. Сейчас никто здесь не трудился, но через несколько дней должен был приехать из Рима Донато д’Анджело с группой сотрудников, чтобы сделать кое-какие зарисовки. Фредрик сел на кусок кладки, осмотрелся кругом. Обитые колонны, мозаичные полы, фундаменты нескольких крупных построек, ступеньки, лестничные площадки. Видимо, тут располагался храм…

Донато д’Анджело. Похоже, местная полиция не симпатизирует ему. Почему? Что здесь, собственно, происходит? Что-то не так – это очевидно. В частности, кому-то нежелательно присутствие Фредрика Дрюма.

Кротоне. Автобус, из которого его вытащили, направлялся в Кротоне. Очевидно, свидетелей следует искать там. А Кротоне – достаточно большой город. Не так-то просто будет их найти. Если это вообще возможно. Тем не менее стоит как-нибудь туда выбраться. Может быть, вместе с Женевьевой? Из книг он знал, что Кротоне был греческим владением до 242 года н. э. Основан ахейцами в 710 году до н. э.; со временем стал одним из важнейших городов Италии. Оставив остров Самос, сюда перебрался основатель знаменитой философской школы Пифагор; эта школа внесла большой вклад в развитие геометрии, арифметики, этики, учения о бытии вообще. Все это известно. Чем еще они занимались?

Кто больше двух тысяч лет назад ходил здесь, где он сейчас находится, в великолепном архитектурном комплексе, ступая по дивной мозаике, среди мраморных колонн под изящными сводами? О чем они беседовали?

Наверное, «Кодекс Офанес» многое сможет поведать, если верно его расшифровать.

К Фредрику не спеша подошел мужчина в форменной фуражке. Видимо, сторож. Учтиво поздоровался, почесал затылок.

– Интересуетесь? – осторожно осведомился он.

– Si, синьор, даже очень. – Сторож держался приветливо, и Фредрик ответил тем же. – Я буду сотрудничать с профессором д’Анджело, помогу кое в чем

разобраться. Я приехал из Норвегии.

Сторож просиял.

– Ага. Ты norvegese. Синьор Дрюм, если не ошибаюсь!

Они обменялись рукопожатиями, сторож назвался – «синьор Лоппо» – и объяснил, что участок нуждается в охране от охотников за сувенирами.

– Профессор д’Анджело говорил, что ждет меня? – Фредрик чувствовал себя польщенным.

– Нет-нет, я узнал об этом не от него. Мне рассказала прекрасная французская сеньорита. Она ждет, столько говорила о тебе, когда мы вечерами сидели в трактире синьора Ратти. Ты ведь специалист по расшифровке кодов и тайных письмен, верно? И любитель хороших вин, да? – Он добродушно толкнул Фредрика в бок и сел рядом с ним на кладку. – Кстати, она теперь почти совсем здорова благодаря доктору Умбро. Он творит чудеса.

Они потолковали о том о сем, и у Фредрика сложилось впечатление, что далеко не все плохо относятся к профессору д’Анджело.

– Синьор Лоппо, – осторожно справился Фредрик, – синьор д’Анджело и начальник полиции – добрые друзья?

– Ха! – Синьор Лоппо соскочил на землю. – Эта свинья, извините, что я называю Витторио Нурагуса свиньей, но он этого заслуживает. Ленив, ровным счетом ничего не делает, поднести ко рту вилку с макаронами для него большой труд. Они отнюдь не добрые друзья, особенно после того, как месяц назад тут погибли два мальчугана. Страшная трагедия, большое горе, я знаю родителей, они ничего не могут понять.

– Да ну! Расскажи, я слушаю!

– Загадочная история… Этим мальчикам – Марко Албелли и Альдо Пугги – было по пятнадцать лет. Они подрабатывали на раскопках. Оба славные, живые, воспитанные парни. И однажды, чуть больше месяца назад, их нашли мертвыми

подле вон той стены. – Синьор Лотто показал рукой и продолжал: – Похоже было, что они одновременно упали со стены и умерли без всяких видимых причин. Вскрытие ничего не обнаружило, но профессор д’Анджело бушевал и настаивал, что они погибли от рук преступника. Два здоровых, крепких подростка не могли умереть одновременно просто так. Начальник полиции Нурагус и не подумал начать расследование: дескать, причина их смерти – солнечный удар или что-то в этом роде. Дескать, никакого преступления быть не могло. Представляешь, сколько бумаг ему пришлось бы исписать в ином случае! Допросы, протоколы… Профессор д’Анджело прямо на площади отчитал его так, что вся деревня слышала.

– Ну а все-таки, – спросил Фредрик, – какое-то расследование проводилось?

– Нет. Дело закрыли, и эта жирная свинья Нурагус довольно потирает руки.

Сторож удалился, сказав, что должен помочь жене заколоть козленка, а Фредрик остался сидеть в глубоком раздумье.

Мозг работал вхолостую, и около часа Фредрик направился обратно в гостиницу. Дверь была открыта, в холле – ни души. Он постоял, изучая интерьер.

Роль стойки исполняли широкие доски, положенные на фрагменты двух античных колонн. Просто и не без шика. На стенах – множество икон, распятий и другой религиозной символики. В частности, щит с эмблемой святого Анакреона. Побуревшая от возраста, испещренная сеткой трещин, мрачная еретическая картина изображала Деву Марию с чашей крови Иисуса. На полках стояли старинные книги в кожаном переплете. Фредрик взял одну, открыл титульный лист: «Paracelsus, „De Homunculis“. Operum Volumen Secundum. De Tournes MDCLVIII». Странные вкусы у хозяина гостиницы, если все это его личная собственность, сказал себе Фредрик. Хотя, скорее всего, большинство этих предметов не одно столетие составляет неотъемлемую часть интерьера.

Взяв ключ от своей комнаты, он поднялся по каменной лестнице.

Хотя двери в узком коридоре не были пронумерованы, свою он помнил хорошо. Здесь и было всего-то четыре двери; одна из них вела в ванную. Фредрик поймал себя на мысли, что чувствовал бы себя уютнее, будь здесь больше постояльцев. Но селение Офанес располагалось вдали от больших магистралей.

В оставшееся время до встречи с Женевьевой он решил просмотреть материал, полученный от профессора д’Анджело. Время тянулось удручающе медленно.

В комнате было прибрано, постель застелена, «священник» убран. Рамка с латинским текстом вернулась на место, и Фредрик уже приготовился снять ее со стены, когда вдруг увидел перед собой совсем другой текст!

Садясь на кровать с рамкой в руках, он боднул головой перекладину балдахина. Изречение в рамке тоже было написано по-латыни, в переводе оно гласило следующее: «Пытающийся проникнуть без ключа в Розарий Философии узрит там не цветы, но оскобленные черепа». И этот текст пришелся ему не по душе, а потому он решительно снял рамку со стены и положил на столик в углу.

Ну так. Он достал свои бумаги. Удобно примостился на широкой кровати. Наконец-то Фредрик Дрюм занялся тем, что занимало его больше всего на свете: дешифровкой тайнописи, проникновением в неведомый доселе мир, толкованием посланий из далекого прошлого. Ничто не могло отвлечь его от сосредоточенного исследования. Он был счастлив в своем заколдованном мире.

Фредрик Дрюм пользовался собственными, особыми приемами. Многолетние исследования, погружение в глубины происхождения нашего письма, наших символов и образов вооружили его несравненным опытом. Он разработал ключи и методику для прочтения древнейших надписей, составил таблицы комбинаций, подобрал эквиваленты корней и схемы ассоциаций настолько хитроумные, что непосвященному было бы непросто разобраться даже в самых простых его системах.

Трифемо-Шампольонский винт. Набор кругов с древними символами, базисными буквами, диск, в котором каждый отдельный круг можно было вращать или заменять другими кругами. Так выглядело одно из придуманных приспособлений, призванное подходить к любым кодам, любой тайнописи в областях нашей культуры от Малой Азии до берегов Атлантики. Он особенно гордился Трифемо-Шампольонским винтом.

Четыре строчки, которые сейчас он видел перед собой, выглядели совсем необычно. Они помещались посреди греческого текста.

Лежа на кровати, Фредрик то напевал, то громко разговаривал сам с собой. Несколько раз чихал от волнения, то и дело пил воду из стоящего на тумбочке стакана.

Трудный текст, если это вообще текст. Ничего похожего не встречалось ему прежде. Пришлось вооружиться таблицами и кругами с символами иных культур, помимо тех, что были связаны с Средиземноморьем. Без успеха. Знаки не поддавались толкованию.

Он сел, протер глаза. Посмотрел на окошко, через которое струились лучи солнца. Да, задачка, серьезное испытание. Фредрик Дрюм, с присущим ему острым любопытством, обожал такие задачи. Не жалел сил, даже здоровья, чтобы разрешить их.

Он отложил в сторону таинственные строчки. Углубился в предшествующий и последующий текст. Слова понятны, общий смысл неясен. Что кроется в этих строках? Фредрик стал писать в своей тетради:

Симмий: Философ из Фив (NB! Фиванская школа).

Кротон:? (Мужчина, странно, ср. здешний город Кротоне).

Эрметика: Богиня религиозно-философского учения герметизма?

Гефест: Бог огня.

Геката: Богиня волшебства.

Персефона: Владычица преисподней.

Силотиан:?? (Личность, предмет?)

Хирон: Кентавр?

Синедрион: Собрание, совет.

Umbilicus Telluris: Латинское выражение, означает «пуп земли».

А что… Возможно, профессор д’Анджело прав, эти тексты и впрямь связаны с учением герметизма, сторонники которого облекали знание в формы, не доступные для непосвященных. И которое якобы содержало ответы на сокровеннейшие тайны бытия.

Судя по выделенным именам, в древнем свитке речь могла идти о волшебстве, огне, преисподней, мог содержаться ключ к важнейшим положениям герметизма. И ключом как раз могли служить четыре строки с неизвестными знаками.

Сколько он ни манипулировал кругами, ничто не подтверждало его предположение, что для дешифровки текста следует выйти за рамки культурных традиций стран Средиземноморья. В читаемой части ничто – ни имена, ни отвлеченные понятия – не наводило на мысль о других культурах.

Стало быть, надо держаться известной античности, древнегреческого языка, возможно, линейного письма А и Б.

Он посмотрел на часы – половина третьего. Наконец-то! Отложил бумаги в сторону и всецело сосредоточился на том, что предстояло, на великом событии, встрече, которую так долго предвкушал.

Насвистывая, Фредрик отправился в ванную и принял душ. Изучил свое изображение в зеркале. Как он выглядит – ничего? Женевьева узнает его? Вряд ли он заметно изменился за три года. Он освежил лицо одеколоном.

Вернувшись в номер, достал подарки. Лопарское ожерелье дивной работы из золота, добытого на крайнем севере Норвегии, куплено у ювелира Яукко Пента в городе Карашок. Бутылка марочного вина, обернутая в красный целлофан, обвязанный синей ленточкой. Порядок.

Фредрик выпил два стакана воды, почистил и без того чистые брюки. Вышел и запер дверь номера.

В коридоре царил полумрак. Проходя мимо соседней комнаты, он вздрогнул, увидев вдруг перед собой чье-то бледное испуганное лицо. Это была Андреа, та самая женщина, что принесла ночью ему еду.

– Mi scusi! – выпалил он.

Она ничего не ответила, продолжала молча стоять на месте. Фредрик вздохнул и протиснулся мимо нее, тупо улыбаясь.

В холле по-прежнему было пусто. Фредрик хотел было повесить на место ключ, но передумал, сунул его в карман и вышел на солнце.

Спустившись на площадь, сел за один и крайних столиков трактира. Народу было много, почти все столики заняты. Время ленча, клиенты с аппетитом уписывали макароны. Сам он голода не ощущал, заказал себе бокал кампари и стакан воды. Он поместился так, чтобы видеть дорогу, ведущую к клинике доктора Умбро.

С Фредриком Дрюмом творилось что-то невообразимое. Сердце бешено колотилось, желудок сжался.

Тут он увидел ее. Она словно парила в воздухе – элегантная, ослепительно красивая. Мужчины отложили вилки и уставились на нее.

Фредрик помахал ей рукой, и его щеки сравнялись цветом с кампари в бокале.

3. Фредрик Дрюм дает названия запахам, может смотреть на солнце, не чихая, и получает еще один ключ

На ней были платье янтарного цвета с широким красным поясом, красные туфли, лоб обнимала оранжево-красная лента. У нее была осиная талия. Каштаново-черные волосы спускались на плечи, обрамляя мягкие черты прекрасного лица. Глаза сияли, и она улыбалась.

Клеопатра?

Греческая богиня? Елена, Афродита, Гера?

Нет – Женевьева Бриссо, двадцати девяти лет.

Фредрик встал. Женевьева подошла к его столику и остановилась, присматриваясь к нему большими карими глазами. Наконец со счастливой улыбкой бросилась в его объятия.

Он ощутил аромат, превосходящий букеты всех вин, какие когда-либо дегустировал. Осторожно прижал ее к себе, и долго они стояли так, не двигаясь. Наконец она подняла голову и снова посмотрела на него; в уголках глаз блестели слезинки. Ком в горле мешал ему говорить.

– Фредрик? – спросила она шепотом, точно сомневаясь – он ли это.

– Да, это я, – ответил он прерывисто.

Они сели, и зрители, следившие, затаив дыхание, за романтической встречей, снова принялись уписывать макароны.

– Ты… ты совсем выздоровела? – Он осторожно улыбнулся, боясь сказать что-нибудь лишнее.

– Почти, как говорит доктор Витолло. Ах, Фредрик, если бы ты знал, сколько я думала о тебе, как скучала в своем немом одиночестве, как скучала и не могла никому об этом сказать. Я… я… – она опустила глаза, – у меня как будто нет никакого прошлого, есть только будущее, будущее.

Он взял ее за руку. Крепко сжал. Потом поставил на стол подарки и попросил ее развернуть.

Пока она занималась этим, Фредрик заказал – по ее совету – две порции лапши с особым соусом, которым гордился хозяин кафе. А также два бокала местного вина.

Женевьева была в восторге от ожерелья и сразу надела его. Оно было будто создано для ее тонкой белой шеи.

– Невероятно! – воскликнула она, развернув бутылку. – «Кастелло ди Неиве», снежный замок, как красиво! Мы разопьем ее сегодня в саду около клиники. О Фредрик, как я предвкушала эту встречу! – Внезапно лицо ее омрачилось. – Фредрик, что произошло? Тебя не было в автобусе, только твой чемодан, я испугалась, почему чемодан прибыл задолго до тебя самого?

Он ждал этот вопрос и приготовил ответ. Сказал, что, выехав из Катандзаро, по дороге почувствовал себя плохо, должно быть, из-за жары. Его вынесли из автобуса и поместили у какого-то крестьянина. Хозяин привел врача, тот не нашел ничего серьезного, посоветовал только немного отдохнуть и побольше пить. К сожалению, чемодан остался в автобусе, а у крестьянина не было телефона, чтобы позвонить в Офанес и предупредить. Ничего, теперь Фредрик здесь, жив и здоровее прежнего.

– О дорогой Фредрик, ты уж береги себя. Я плохо помню, что произошло дома, в Сент-Эмильоне, три года назад, но ты был такой храбрый, такой храбрый. Мне рассказал об этом отец. Он так тебя хвалил. Кстати, тебе известно, что наш замок перевели в разряд «Гран Крю Клас»?

– Поздравляю, вы это заслужили.

Они чокнулись и некоторое время ели молча. Теперь, когда мечта сбылась, ими вдруг овладело смущение.

Женевьева кивала, отвечая на приветствия других посетителей. Объяснила, что знакома с большинством местных жителей. Часто сиживала здесь одна во второй половине дня, последние недели могла выходить из клиники после трех часов, когда кончались процедуры. Все знали, что она ждет своего возлюбленного из Норвегии.

– Ты, правда, рассказывала обо мне? – Фредерик сделал добрый глоток вина, смущение прошло, на душе было легко и весело, его переполняла энергия.

– Конечно, я рассказывала и мечтала. Говорила о твоих фантастических познаниях в области древних культур, что ты, наверное, скоро будешь

профессором, что на ярмарке вин в Бордо тебе присвоили звание «Первоклассный знаток вин». Здесь тебя уже все знают, Фредрик.

Он повернул голову, посмотрел на незнакомые лица. Одни улыбались и кивали, другие глядели с любопытством. Однако взгляд трактирщика, который стоял в дверях заведения, не показался ему очень уж дружелюбным.

Внезапно им овладело какое-то неприятное чувство. Он предпочел бы быть здесь анонимным. Если бы никто ничего не знал о нем… Может быть, тогда обошлось бы без того кошмара на скальной полке высоко над Ионическим морем?

– В чем дело? У тебя вдруг стало такое серьезное лицо. – Она взяла его за руку.

Он прокашлялся, улыбнулся:

– Тени прошлого… У меня тоже за эти годы не раз бывало тяжело на душе. Теперь – все. Наконец-то.

– Спасибо, – тихо произнесла Женевьева. – Спасибо, что все прошло.

Они управились с фирменным блюдом синьора Ратти, и Женевьева предложила Фредрику подняться вместе с ней в сад при клинике. Дескать, там тихо, спокойно, красиво, они смогут насладиться марочным вином. Потом она покажет, где живет, может быть, познакомит с доктором Витолло Умбро. Остальные пациенты – сейчас там, кроме нее, проходят лечение еще семь человек – еще не настолько поправились, чтобы выходить из своих комнат. Есть совсем тяжелые случаи.

Они расплатились и покинули кафе. Синьор Ратти учтиво улыбнулся Женевьеве, однако отвел глаза, когда на него посмотрел Фредрик.

Они пошли вверх по улице. Фредрик обнял Женевьеву одной рукой, она поцеловала его в щеку, они смеялись, шутили, помахали сторожу на раскопе, он крикнул в ответ что-то игривое.

Перед внушительным порталом Фредрик остановился. «ОСПЕДАЛЕ ВИТОЛЛО УМБРО»… Здание было вовсе не похоже на больницу, напоминало скорее фешенебельную гостиницу. Очевидно, в прошлом здесь помещалось богатое имение.

– Посмотри. – Женевьева показала на крутой холм с замком наверху. – Там живут дядя и племянница доктора Витолло. Странные люди. Они не заходят к доктору, и он их тоже не навещает. Прежде все земли вокруг, вплоть до Кротоне на севере, принадлежали семейству Умбро. Затем поместье было разделено, и теперь доктор Витолло владеет этими постройками, а его дяде достались замок и виноградники. Виноградники долго оставались предметом спора, но те, что находились на участке, который достался доктору, он щедро раздавал крестьянам и бедным рыбакам. Насколько я понимаю, именно это стало поводом для вражды дяди и племянника. Старайся держаться подальше от племянницы – Джианны Умбро. Она красивая и опасная. Я видела ее только один раз, после чего мне две ночи подряд снились кошмары. Но я совсем тебя заговорила, тебе это ничуть не интересно. Пошли!

Она взяла его за руку и повела через ворота.

Фредрику все было интересно. Но не сейчас.

Они очутились в пышном зеленом саду с фонтанами и фонтанчиками для питья. Великолепные розы и орхидеи окружали античные скульптуры и остатки древних колонн. «Тоже своего рода музей», – сказал себе Фредрик.

В тени под деревьями стояли скамейки и маленькие столы. Из главного здания доносилась музыка, он узнал оперу Верди «Навуходоносор». Совершенный покой и гармония… Неудивительно, что здесь исцеляются от своего недуга патологически нелюдимые пациенты.

Женевьева подвела его к столу и скамейке подле цветущего куста гибискуса. Сказала, чтобы он подождал минутку, пока она сходит за бокалами и откупорит бутылку, и, сияя от радости, побежала в здание клиники.

Фредрик сидел, наслаждаясь запахами. Сильные запахи. И самый сильный – запах Женевьевы. Он закрыл глаза и стал придумывать названия для ароматов, пользуясь словами из богатой лексики древних культур. Названия, исконный

смысл которых был понятен только ему, Фредрику Дрюму. Изначальный язык Земли, Геи. Архетипы из древнейших глубин. Тайная гармония, поддающаяся пониманию, если толковать ее в верном контексте. Он знал этот контекст.

Потом он открыл глаза и посмотрел прямо на солнце, не чихая.

Женевьева вернулась с большим подносом, принесла бокалы, разные итальянские сыры, мелкий синий виноград. Поставила поднос на стол, подошла к Фредрику, заставила его встать и поцеловала. Сперва осторожно, потом плотно прижалась к нему. Они соединились в долгом страстном объятии, чувствуя, как колотятся их сердца.

Наконец оторвались друг от друга, счастливо улыбаясь. У Фредрика кружилась голова, мысли путались, ему было тридцать пять, и он только что появился на свет и мог повторить за Женевьевой, что у него нет прошлого, есть только будущее.

Она наполнила бокалы. Красная влага лучилась на солнце. «Кастелло ди Неиве» 1971 года было вполне на уровне переживаемой ими минуты. Виноград созрел на лучших виноградниках Италии, вино было мягкое, букет с фруктовым привкусом, насыщенный. В нем было солнце, был снег и были цветы.

Они сели рядом на скамейку. Держа друг друга за руку, ели, пили, проникаясь ощущением волшебства. В этом саду, среди цветов и античных скульптур их можно было принять за персонажей классической баллады.

– Что здесь происходит, что помогает исцелять людей? Ведь не сидите же вы весь день и слушаете оперы? – Фредрика одолевало любопытство.

– Это трудно объяснить, – серьезно отозвалась Женевьева. – У доктора Витолло и его помощников разработана своя методика, это мало похоже на больницу. Мы сидим в чудесной комнате с видом на море. Сам доктор или кто-нибудь из его ассистентов играет на каком-нибудь музыкальном инструменте, звучат мягкие мелодии, все в душе растворяется, ты будто оставляешь свою оболочку, делаешь то, к чему все время стремился, но не мог делать из-за болезни. Хотя нет, это невозможно объяснить словами. Может быть, ты сам как-нибудь поговоришь с доктором.

Фредрик кивнул. Он что-то читал о звуковой и музыкальной терапии. Однако не представлял себе, как она действует.

– А есть такие пациенты, которым лечение доктора Умбро не помогает?

Женевьева отвела взгляд:

– Не знаю… Может быть. Наверно, это зависит от характера заболевания. – Внезапно она громко рассмеялась. – Знаешь, что тут случилось на прошлой неделе? Представь себе, этот странный дядюшка в замке на холме – кажется, его зовут Ромео – поставил на склоне какую-то жуткую машину, которая страшно шумела и мешала процедурам доктора Умбро, и тот пришел в ярость. Дядюшка твердил, что этот двигатель должен качать воду на виноградники, и сколько доктор ни протестовал, она работала круглые сутки. В конце концов Витолло купил динамит и взорвал это чудовище. После чего послал дядюшке чек на крупную сумму, чтобы тот купил электрический насос, который качает воду без шума. Насос еще не прибыл, но лоза, похоже, чувствует себя превосходно.

– Виноград галиоппо, – произнес Фредрик. – Произрастает здесь тысячу лет. Ему не нужно много воды. И вообще, искусственное орошение не годится для виноградников.

Когда в бутылке закончилось вино, Женевьева погладила Фредрика по лицу и пригласила следовать за ней, посмотреть, как она живет.

Держась за руки, они вошли в один из флигелей и поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь в коридоре на полу лежали мягкие ковры, стены украшала современная живопись. Фредрик обратил внимание на литографии Дали, Кле и Лаксейро. Женевьева остановилась перед большой розовой дверью с резьбой, напоминающей минойское искусство. «Этот доктор – богач», – подумалось Фредрику.

Она открыла дверь и застенчиво улыбнулась ему.

Они вошли в большую светлую комнату. Мебель в стиле рококо, стены обтянуты голубым шелком. Диван, стол, стулья, люстра под потолком, кровать с балдахином; дверь в глубине комнаты вела в ванную. Глядя на роскошную кровать, Фредрик сказал себе, что здесь не требовался «священник», воздух был

чист и сух.

Надо думать, изрядная часть продукции папы Бриссо уходила на то, чтобы оплатить лечение дочери. Но здоровье Женевьевы – дороже всего на свете.

Она закрыла дверь, заперла на замок, сбросила туфли и обняла Фредрика за шею.

– Пойди ко мне, – прошептала она. – Я три года ждала тебя. Мечтала, представляла себе, что ты со мной. Теперь ты здесь. Живой, настоящий. Мой Фредрик.

Они осторожно сели на кровать, объятые взаимным притяжением. У обоих были серьезные лица, они хотели, чтобы то, что сейчас должно было случиться, навсегда запечатлелось в глубинах души.

Они легли рядом. Он ласково прикоснулся к ее лицу, она поцеловала его – сперва нежно, осторожно, потом страстно, они прижались друг к другу, гладили трепещущую кожу.

Он бережно провел рукой по ее спине, по животу, по бедрам, и она шептала ему самые французские из всех французских слов.

Время перестало существовать.

Однако время существовало. Когда Фредрик Дрюм наконец всплыл на поверхность, солнце уже зашло. Он приподнялся, сел на край кровати.

Он смотрел на обнаженное тело Женевьевы. Она лежала с закрытыми глазами, на ее губах играла таинственная улыбка. Он в жизни не видел такой красоты. Женевьева Бриссо была Идея. А он – Идея Дрюм. Фредрик с трудом сдержал чих.

Он осторожно встал, поискал взглядом дверь ванной, хотел принять душ.

– Ванная прямо. Можешь вытереться большим синим полотенцем. – Она сказала это тихо, мягко, не открывая глаза.

Он рассмеялся, бегом пересек комнату и закрыл за собой дверь.

Стоя под душем, он пел. Вспомнились мелодии, забытые много лет назад. Слова сами просились на язык. «Дэви Крокет» и «Желтая Роза Техаса». «В саду моего отца» и «Марсельезу» исполнил по-французски, грассируя, словно Пиаф.

Женевьева последовала за ним.

Одеваясь, они не сводили друг с друга влюбленных глаз.

Женевьева предложила спуститься вниз, в гостиную, выпить чая. Фредрик колебался – не нарушил ли он больничный распорядок? Что подумает персонал – Женевьева с алыми щеками и красноречивым взглядом, и сам он, предельно возбужденный, вот-вот взлетит к небу, будто наполненный гелием шар.

Все же она его уговорила.

Пока Фредрик рассматривал гостиную, Женевьева вышла за чаем в соседнее помещение. Венецианская мебель. Персидские ковры. Комод – настоящий чиппендейл. Картины Гогена, Моне, Фортензолы. Окна с витражами в свинцовых переплетах. Витолло Умбро принадлежал к богатому семейству. И пациенты, приезжающие со всего мира, наверно, платили немало. Он делал чудеса.

В одном углу гостиной сидела пожилая женщина. Брильянтовые браслеты, кольца, ожерелья… Она сидела неподвижно, глядя в пол.

– Английская графиня, – прошептала Женевьева, ставя чашки на стол. – Сорок лет молчала как убитая, а доктор Умбро добился того, что она дважды разразилась грубой бранью. И это за какую-нибудь неделю, что она здесь.

Фредрик кивнул – недурно.

– Да, интересное место, этот Офанес. – Он отпил чая. – Тебе известно что-нибудь про здешние раскопки? Говорят, тут нашли что-то сенсационное?

Она мотнула головой:

– Я не совсем в курсе. Но в селении многие говорят о них. Кое-кто недоволен, другие считают, что это здорово. – Женевьева примолкла, о чем-то задумалась, потом продолжала: – Фредрик. Надеюсь, ты приехал сюда навестить меня. Прошу тебя, не вмешивайся ни в какие дела. Будем радоваться, совершать длинные прогулки каждый раз, когда я буду свободна. К развалинам ходить не станем, заберемся куда-нибудь подальше, понял?

Он ничего не понял, но не стал возражать. Заметил, как на миг омрачилось ее лицо. Вспомнила что-то из прошлого – или что-то случилось здесь? Для чего обходить развалины стороной?

Мальчики. Марко Албелли и Альдо Пугги. Погибли у раскопа.

Не вмешиваться? Он уже замешан. Но не станет говорить Женевьеве про свои дела с профессором д’Анджело. «Кодексом Офанес» может спокойно заниматься по утрам. Это его хобби, развлечение, ничего существенного. Конечно же, он приехал, чтобы навестить Женевьеву.

– Ты любишь меня, Фредрик? – Она наклонилась над столом и посмотрела на него большими карими глазами, шепотом произнося слова, которые оставались невысказанными за те немногие часы, что они провели вместе.

– Да, Женевьева, я люблю тебя. – Он мог прокричать это на все селение, потому что в самом деле полюбил Женевьеву Бриссо при первой же встрече.

Он подняла свою чашку, быстро опустила.

– Я… я хотела бы побывать в Норвегии. Могла бы стать хорошей… хорошей помощницей тебе в «Кастрюльке». Если я вам нужна.

Сказано откровенно, без экивоков. Это случилось вдруг, и голос ее звучал так искренне, и, конечно же, он все время желал этого, только не смел верить, что это возможно. Женевьева и он! Тоб будет в восторге. У «Кастрюльки» появится своя королева – настоящая королева изысканных вин.

– Приезжай, когда захочешь… если я тебе нужен… вместе мы построим замок… «Премьер Гран Крю Клас»… такой, как…

Он запнулся. Фредрик Дрюм запинался! То, что он сейчас говорил, было для него так ново, так непривычно.

В эту минуту в гостиную вошли двое мужчин, один – высокий, седой, с орлиным носом и острыми скулами, в простом вельветовом костюме, другой – примерно тех же лет, что Фредрик, худощавый, нескладный. Улыбаясь, они подошли к Женевьеве и Фредрику.

– Вот ты где сидишь, прелестная мадемуазель. Ага, вот в чем дело, наконец-то появился долгожданный, в самый раз, в самый раз, самые знаменитые итальянцы не заменят синьора Дрюма. Я ведь не ошибаюсь, ты – Фредрик Дрюм?

Фредрик стремительно поднялся, пожал протянутую руку.

– Витолло Умбро, рад служить. Если ты утратил дар речи, то попал как раз туда, куда следует. – Он рассмеялся. – А это мой ассистент, доктор Пинелли, доктор медицины, психологии и музыки.

Фредрик пожал руку худощавого гения, открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на сушу.

– О доктор Витолло, я так счастлива! Посмотри, какое чудесное ожерелье он привез мне. Это сделали лопари. И когда ты выпишешь меня, я только загляну домой, а оттуда – прямиком отправлюсь в Норвегию! – Женевьева сияла от радости.

– Теперь уже скоро, ты молодцом. – Умбро сел рядом с ними, улыбаясь; Пинелли направился к английской графине, которая сохраняла полное молчание. – Вот так, синьор Дрюм. Наше заведение выглядит недурно, но ex nihilo nihil – ничто не возникает из ничего, и за этим, скажем так, довольно роскошным фасадом кроется многолетний труд. Плюс, разумеется, кое-какие унаследованные остатки былого величия.

Он весело рассмеялся, и Фредрик наконец пришел в себя.

– Конечно, доктор Витолло. Arcana publicata vilescunt, et gratiam prophanata amittunt, ergo ne margaritas objice porcis, seu asinus substerne rosas[10 -

Разглашенная тайна уже не тайна, от профанации теряет цену, так не мечите бисер перед свиньями и не стелите ослу розы (итал.).]. – Он выпалил эту латынь, сам не очень понимая ее смысл и сомневаясь, подходит ли цитата к случаю. Но слово не воробей.

Женевьева недоуменно смотрела на них.

– Ну-ну, не будем скромничать, – сказал доктор Витолло. – Но ты согласен – твоя возлюбленная идет на поправку?

– Невероятно, – тихо произнес Фредрик. – Хотел бы я знать, каким волшебством ты владеешь, моя воля – так ты давно получил бы Нобелевскую премию.

Витолло Умбро сделал серьезный вид и наклонился над столом, обращаясь сразу к обоим:

– В моей области методы не оцениваются по результатам. К сожалению. Признанные методы – сфера различных светил, гуру в области медицины и психиатрии. То, что делаю я, очень просто, но не получило признания. Музыка служит мне вспомогательным средством при лечении острых и хронических душевных расстройств. Никаких лекарств. В большинстве случаев нам удается исцелять больных сенсорной и моторной афазией, если только она не вызвана развивающейся опухолью. Мы специалисты по врожденной афазии, так называемой глухонемоте. Сенсорная афазия примитивизирует речь, здесь помогает активная стимуляция левого полушария мозга. Что касается аутизма, то он, как известно, развивается на основе шизофрении, это трудно излечимое заболевание. Больной живет в воображаемом мире, мало интересуется реальным окружением. Повседневная действительность, как правило, им не воспринимается. Но на них можно воздействовать музыкой! Если правильно ее использовать. Без преувеличения берусь утверждать, что семьдесят процентов случаев аутизма поддаются лечению. Нужны только терпение и время. – Доктор Умбро закурил сигарету и продолжал: – У Женевьевы совершенно особенный случай. – Он лукаво подмигнул ей. – Тут не было ни афазии, ни шизофрении. Некоторые участки мозга были блокированы отравлением в сочетании с психическим шоком. Случай очень простой, она сразу же начала реагировать на наши воздействия. И она будет – вернее, она уже совершенно здорова, можно не сомневаться. Мы проведем лишь кое-какие исследования для нашей копилки опыта. И рецидива не будет. Можешь спокойно отправляться на север к белым медведям, прекрасная мадемуазель!

Он взял руку Женевьевы и галантно поцеловал ее.

– Гениально. – Фредрик был поражен.

Седовласый доктор производил симпатичное впечатление, и Фредрик даже подумал, не назваться ли самому больным афазией, чтобы подвергнуться восхитительному лечению музыкой. Глядишь, станет шевелить мозгами так, что без труда прочтет все трудные места «Кодекса Офанес».

– А теперь, дети мои, вынужден вас покинуть. Мне предстоит поработать два часа с одним упорным американцем, который последние десять лет ни с кем ни общается, кроме своей зубной щетки, после того как его бросила жена. Ты здесь всегда желанный гость, синьор Дрюм, чувствуй себя как дома, подобно всем моим гостям и пациентам. Buona notte!

Доктор Умбро еще раз пожал ему руку и удалился.

– Синьор Витолло – сплошной источник радости для всех нас! – воскликнула Женевьева.

– Похоже на то, – отозвался Фредрик. – За исключением, конечно, дядюшки в замке там наверху.

– Почему ты так говоришь? Что тебе о нем известно?

– Нет-нет, не обращай внимания. Я ничего не знаю и знать не хочу. Кроме одного: ты в самом деле хочешь приехать в Норвегию, я не ослышался?

– О, ты такой милый, такой глупый! Конечно хочу. Норвегия приснится мне сегодня ночью… – Женевьева закрыла глаза и вздохнула.

«Глупый Дрюм, дрюммелилюм», – сказал он себе, глядя на кувшинки Моне. Зеркальная гладь, никаких утопленников и водяных.

Доктор Пинелли все еще сидел рядом с безмолвной графиней. Вечерело, и Фредрик заметил, что ему, пожалуй, пора уходить.

Женевьева кивнула и вызвалась проводить его до ворот.

Выходя из гостиной, они услышали хриплый грубый голос:

– Fuck my ass, you dego!

Безупречное оксфордское произношение. Английская графиня явно шла поправку.

– Спокойной ночи, любимый. Спасибо за чудесный вечер. – Она поцеловала его, они стояли, обнявшись, в воротах. Кругом было темно, и всякие звуки тонули в хоре цикад. – Ты придешь завтра? Придешь в мою комнату? Я буду ждать тебя в четыре часа, дорогой Фредрик, не опаздывай, я уже сгораю от нетерпения!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вон там! Человек! Веревку, быстро! (итал.).

2

Синьор. Извините. Спасибо (итал.).

3

Пожалуйста (итал.).

4

Да, синьор иностранец (итал.).

5

Синьор полицейский (итал.).

6

Доброй ночи (итал.).

7

В итальянском языке принято обращение на «ты» даже к незнакомым людям.

8

Добрый день (итал.).

9

Слышите? (итал.).

10

Разглашенная тайна уже не тайна, от профанации теряет цену, так не мечите бисер перед свиньями и не стелите ослу розы (итал.).

Купить: https://tellnovel.com/nyugordshaug_gert/kodeks-smerti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити